

УДК 82.09(470)

DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-121-134

АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ: МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СИТУАЦИИ ЭМИГРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «ЧЕРНОЕ И ГОЛУБОЕ»)

А. А. Хадынская

Сургутский государственный университет, Сургут

Введение. Рассматривается тема морского путешествия у Антонина Ладинского на примере сборника «Черное и голубое», первого в творчестве поэта, в котором сформировались магистральные линии его поэзии, развившиеся в последующих сборниках.

Цель – проследить семантику морского плавания у поэта с учетом акмеистических влияний на него Н. Гумилева, у которого эта тема, став одной из основных в творчестве, отразила основные принципы акмеистического мировидения поэта.

Материал и методы. Методология исследования предполагает литературоведческую интерпретацию лирических текстов с пониманием теоретических основ поэтики акмеизма («чужое слово», полифонический текст, динамическое пространство и пр.). Использовался также метод интертекстуального анализа при сопоставлении текстов, принадлежащих к разным литературным эпохам.

Результаты и обсуждение. Творчество Ладинского уже было предметом научных изысканий, отмечалась и ориентация поэта на символизм и акмеизм, указывалась сложность отнесения его лирики к какому-либо из этих модернистских течений. Но морское путешествие как центральная тема первого сборника «Черное и голубое» в контексте акмеистической поэтики еще не привлекало внимания исследователей. Рассмотрено влияние гумилевской темы морских странствий на лирику Антонина Ладинского в плане полемики поэта с мэтром акмеизма, выявлено своеобразие рассматриваемой темы в связи с его эмигрантским опытом.

Заключение. В лирике Антонина Ладинского морское путешествие становится отражением его пути эмигранта, и в этом смысле он полемизирует с Н. Гумилевым, у которого тема плавания по морям имеет культурологический смысл и отражает акмеистический принцип познания Жизни через Искусство. Семантика морского путешествия в контексте акмеистической поэтики позволяет Ладинскому сказать свое слово миру, присоединив свой голос к могучему культурному хору певцов морской стихии. Акмеистическая позиция оказывается близка ему своей земной природой, а символистская – осознанием мощной силы инобытия. Через диалог с «чужим словом» поэт декларирует собственный опыт освоения мира, отличный как от акмеистов, так и от символистов. Трагический взгляд на мир, обусловленный ситуацией эмиграции, звучит в первом сборнике еще не в полную мощь, акмеистическое «принятие действительности» еще имеет свою «инерцию», но осознание случившегося как катастрофы и пути в мир смерти уже произошло.

Ключевые слова: Антонин Ладинский, поэзия русской эмиграции первой волны, тема морского путешествия, акмеистическая поэтика, символизм, эмигрантские мотивы.

Введение

Антонин Петрович Ладинский (1895–1961), представитель первой волны русской эмиграции, принадлежал к редкой группе «возвращенцев» – поэтов и писателей, вернувшихся на историческую родину в послевоенное время и нашедших в Советском Союзе свою творческую нишу. Пробыв за границей с 1924 по 1955 г., Ладинский приобрел там большую известность как поэт, чье дарование было отмечено сразу же после его литературного дебюта – сборника «Черное и голубое: Стихи» (Париж, 1931), первый отклик на который в газете «Руль» дал В. Набоков, отметив у начинающего поэта классичность языка и слаженность композиции, в которой стихи «связаны единой гармонией» [1, с. 2]. «Он родился с классической душой», «все четко в нем, стройно и радостно», – вторит Набокову в своей рецензии на этот сборник К. Мочульский [2, с. 235]. Последующие сборники («Север-

ное сердце» (Берлин, 1931), «Стихи о Европе» (Париж, 1937), «Пять чувств: Четвертая книга стихов» (Париж, 1938), «Роза и чума: Пятая книга стихов» (Париж, 1950)) показывают верность эмигрантского поэта идеалам классической русской поэзии, отличаясь особой чистотой своего звучания и точностью выбора слова.

Эмигрантская критика, в целом благосклонно оценившая творчество Ладинского, пыталась определить его поэтическую родословную через связь с традициями русской поэзии как девятнадцатого, так и двадцатого века. Поэта как заметную фигуру на литературном поле французской столицы часто причисляют к «парижской ноте», усвоившей лучшие образцы петербургской поэтической школы, но идейный вдохновитель и организатор «ноты» Г. Адамович, в числе первых заметивший дебютировавшего поэта, увидел в нем отличные от общего депрессивного и аскетичного тона черты, назвав

ее «уклоняющейся от жизни, ускользающей, скорее очаровывающей, чем волнующей, скорее „преlestной“, чем „прекрасной“» [3, с. 79].

Г. Струве отмечает у него влияние поэзии XVIII в. в лице М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина, а также романтическую линию, усвоенную от М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева и помноженную на неоромантизм Н. Гумилева с его «мужественностью, которой недостает большинству парижских поэтов, любовь к экзотике (Восток, Африка) и тема странствий» [4, с. 229]. Тютчевское направление в аспекте гибели Европы и крушения культуры, по мысли критика, поддерживается ориентацией на О. Манделштама, развившего в своей историософии тютчевские идеи [4, с. 229].

Ю. Терапиано, солидаризируясь с Г. Струве в близости поэтики Ладинского к Манделштаму, выявляет эту родственность в пристрастии обоих «к неожиданно смелым метафорам и к образам, возникающим в живописно-скульптурном великолепии» и в «ощущении русской земли, снега, соборов и колоколов» [5, с. 224].

По мнению Ю. Иваска, Ладинский, живший в Египте после отъезда (а точнее, бегства) из России, вполне осознанно ощущает себя поэтическим спутником Н. Гумилева – «романтическим бродягой» и «странствующим энтузиастом», хотя причины пребывания обоих в Африке были принципиально разными. Примечательно, что Ю. Иваск также связывает поэтику Ладинского с манделштамовской по части «чувства истории», но в случае первого отмечает ее особое «одушевленное, лирическое» свойство в противовес «книжному» ее ощущению у второго [6, с. 58].

Если обобщить критические отзывы эмигрантского сообщества о лирике Ант. Ладинского, то можно отметить роднящую их мысль о продолжении им акмеистической линии в своей поэзии; хотя напрямую никто из них об этом не высказывается, но обозначенные фигуры влияния (Гумилев и Манделштам) позволяют определить эту направленность как имплицитную доминанту в оценках поэтики Ладинского. В силу того, что акмеизм воспринимался эмигрантским сообществом как завершенное явление в связи со смертью его мэтра Н. Гумилева, осознать в полной мере влияние этого течения на эмигрантскую поэзию в границах того времени, так сказать, «с близкого расстояния», на тот момент было трудно. Сделать это оказалось возможным уже современным исследователям поэзии русского зарубежья, оценивающим поэтические взаимодействия с позиции более чем столетней временной дистанции, когда пришло понимание долгой инерции акмеизма в эмигрантской поэзии, связанной как с идеей сохранения культурной идентичности в условиях изгнания, так и с продук-

тивными принципами, выработанными этим течением, которые оказались жизнеспособными в собственно эстетическом плане и жизнеутверждающими для поэтов, творящих вдали от литературной метрополии. Акмеистические идеи сохранения Культуры в Слове, веры в это самое Животворящее Слово, близости поэзии к земному, утробному началу и осознание органической связи поэта с миром оказались для многих художников русского рассеяния спасительным кругом в условиях изоляции от родной культурной почвы.

А. И. Чагин, размышляя о судьбе акмеизма в эмиграции, справедливо замечает, что он, прекратив свое существование как «организованная литературная сила», «сохранился как художественный принцип, как литературная позиция, продолжая жить в широком контексте традиционалистской поэзии постсимволизма, в контексте того движения русской поэзии от мистицизма к земному, к предметному, к живописной природе образа» [7, с. 295]. Понимая акмеизм в «расширительном смысле», исследователь считает, что он «продолжил свою жизнь и в изгнании, во многом определяя эстетическое „лицо“ поэзии русского зарубежья» [7, с. 295]. В подтверждение этих слов находим мысль у В. Маркова: «Центр поэтической эмиграции, образовавшийся в Париже, следовал идеям акмеизма» [8, с. 175]. Безусловно, столь категоричное высказывание не учитывало всего многообразия литературной жизни русского зарубежья, даже в том же Париже велась нешуточная литературная борьба, но сама тенденция, общая установка на сохранение и воплощение в поэзии русских парижан «петербургской поэтики», с акмеизмом неразрывно связанной, схвачена В. Марковым верно.

Н. А. Богомолов как на общеизвестный факт указывает следующее: «...акмеизм как литературное направление и как одна из общих тенденций в развитии поэтического языка оказал значительное влияние на литературу русской эмиграции. Вызвано это было прежде всего тем, что на Западе оказалось довольно много поэтов, если впрямую и не принадлежавших к числу акмеистов, то, во всяком случае, ориентировавшихся на акмеистическую поэтику» [9, с. 485]. Е. Э. Фетисова, пользуясь термином «неоакмеизм», пишет об эмигрантском варианте акмеизма как о «латентном течении», относя к таковым, например, «парижскую ноту» и двух ее создателей – учителя и организатора Г. Адамовича и вдохновителя Г. Иванова [10, с. 289–293]. Следуя теории акмеизма О. А. Лекманова о «трех концентрических окружностях», где в первый, самый широкий круг, входили участники «Цеха поэтов», во второй – известные шесть петербургских акмеистов, а в третий – собственно «центральная тройка» – Гумилев, Ахматова и Манделштам [11,

с. 9–16], предположим, что акмеизм русского зарубежья стал четвертым кругом, объединившим в себе поэтов русского рассеяния, разнесшим семена этого течения за пределы литературной родины. На великий потенциал акмеизма в этом смысле указывал и О. А. Лекманов, говоря о том, что «„беседа“ акмеистов друг с другом и с нами не прервалась и, будем надеяться, – никогда не прервется» [11, с. 140]. Известно, что эмигранты возродили «Цех поэтов» на чужбине по образу петербургского, просуществовал он очень недолго и без особого резонанса, но не столько этот факт свидетельствует о жизни акмеистической традиции, сколько сама его сущность, то «семантическое» зерно, открытое в свое время авторами статьи «Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма» [12]. По словам А. И. Чагина, «Летний Сад продолжился Монпарнасом», что «создавало тот общий акмеистический воздух русского Парижа, который во многом определял поэтическую ситуацию и здесь, и в зарубежье в целом» [7, с. 320].

Об акмеизме как о литературном течении с мощным «последствием» писали как отечественные, так и зарубежные исследователи: Р. Д. Тименчик [13–15], Д. Сегал [16], Л. Г. Кихней [17], W. Tjalsma [18], E. Papla [19], J. Harris [20], J. Doherty [21] и др. Залог долгой жизни акмеизма в неакмеистическое время – его «культуроцентричность», осознание Культуры как сакральной связи человека и мира (акмеистическая идея всеединства и синтеза, «тоски по мировой культуре»).

Антонина Ладинского в полной мере можно отнести к наследникам акмеизма, воспринявшим его заветы в парижском поэтическом сообществе. Круг современных литературоведов, интересующихся лирическим творчеством Ант. Ладинского, невелик. В 2008 г. вышло в свет единственное на настоящий момент российское издание его поэзии – «Собрание стихотворений» [22]. Биографию поэта изучают А. Горобец [23, 24] и П. Лавринец [25], публикуя неизвестные документы, касающиеся его жизни и творчества; поэтикой Ладинского занимается А. А. Чевтаев [26, 27]. В предисловии к указанному собранию сочинений его составитель и автор примечаний О. А. Коростелев, восполняя многие биографические лакуны в жизни Ладинского, пишет о проблеме слабой литературоведческой изученности его творчества [28, с. 5]. Все немногочисленные исследователи творчества Ант. Ладинского отмечают его культурологическую ориентированность, верность классическим образцам русской поэзии. Л. М. Грановская пишет о характерном для него «проникновении в пласты чужой культуры» [29, с. 30]; А. А. Арустамова и М. Ю. Расторгуева выявляют специфику «геокультурной поэтической карты мира» у поэта, в кото-

рой особое место занимают Восток и Африка [30]; Ю. В. Матвеева обнаруживает у Ладинского «крымский мифотекст», коррелирующий с петербургским [31].

Но в поле зрения исследователей еще не входил вопрос об акмеистических влияниях в лирике Ладинского на уровне семантической поэтики, хотя сама проблема уже обозначалась. Так, А. Горобец отмечает, что «Ладинский – поэт-неоромантик, в его поэтике присутствуют элементы неоклассицизма и акмеизма» [23]. На связь в творчестве поэта черт акмеизма и символизма указывает А. А. Чевтаев: с его точки зрения, поэт «развивает его (акмеизма. – А. Х.) концепцию „овеществленного“ слова, что не мешает ему принять „символистскую логику восхождения к бытийной целостности миропорядка“». Этот творческий метод исследователь именует «символистским акмеизмом» или «акмеистическим символизмом», что «порождает в творчестве А. Ладинского особую версию онтологического пути, где уязвимое для мира лирическое „я“ находит возможность сопротивляться невзгодам и двигаться в направлении ценностно-смыслового преобразования универсума» [26, с. 205]. Соглашаясь с этой концепцией, отметим, что подобный вариант «содружества» некогда враждебных литературных течений стал общим местом в творчестве поэтов-эмигрантов первой волны, тяготеющих к акмеизму, например, у Г. Иванова, Г. Адамовича и Н. Оцука как прямых наследников петербургской поэтики и «птенцов гумилевского гнезда». С нашей точки зрения, акмеистические влияния у Ладинского укоренены на уровне семантической поэтики, имеет место важный для поэта культурологический диалог с представителями этого течения, среди которых на ранних этапах его творчества основное место занял Н. Гумилев, привлекший его акмеистической идеей мужественного противостояния действительности силами Искусства, что для попавшего с трагическую ситуацию эмиграции поэта было показательным опытом сопротивления обстоятельствам.

Жизненный путь мыслился акмеистами как движение с сопротивлением обстоятельствам, преодоление препятствий, требующее немало мужества, поэтому важнейший в лирике поэтов-акмеистов лейтмотив путешествия являл собой главную характеристику пространства в акмеизме – его динамизм. Е. Ю. Куликова, подробно рассмотрев динамику пространства в акмеистических текстах, отмечает, что «лирические путешествия акмеистов описываются в значительной мере как воображаемые, соединяющие в себе различные пространства», т. е. путешествие следует рассматривать «не как отдельный жанр или сюжетно-мотивный комплекс, а как синтез тематики путешествия и про-

странственной поэтики, для которой характерен внутренний динамизм» [32]. Среди всех акмеистов, по мнению Е. Ю. Куликовой, именно в творчестве Н. Гумилева «был задан тот импульс, благодаря которому мотив путешествия приобрел значение лейтмотива в творчестве поэтов постсимволистской эпохи» [32]. С нашей точки зрения, Ант. Ладинский, ориентируясь на поэтику морских странствий мэтра акмеизма, создает свой миф об эмигрантском путешествии, тем самым одновременно и присоединяясь к литературе метрополии, и полемизируя со «старшим» акмеистом.

Мы полагаем, что этот миф был создан в первом сборнике Ладинского «Черное и голубое», в котором поэтом были определены магистральные линии собственного творческого пути. Одной из главных тем сборника стала тема морского путешествия/плавания, воспринятая от Н. Гумилева. Именно ее у мэтра акмеизма следует считать базовой, определяющей динамику пространства и семантику образов в его поэзии.

Материал и методы

Акмеистические проявления в сборнике Ант. Ладинского «Черное и голубое», на наш взгляд, следует рассматривать с учетом их интертекстуальных переключений с лирикой Н. Гумилева, на которого поэт сознательно ориентировался. Мы анализировали лирику Ладинского, ориентируясь на тот факт, что, аккумулируя опыт как акмеизма, так и символизма, т. е. следуя дорогой, проторенной старшими товарищами по поэтическому цеху, он демонстрирует собственный, абсолютно уникальный образец онтологического пути к осознанию своего места в мире.

Результаты и обсуждение

В известной монографии Л. Г. Кихней «Акмеизм: Миропонимание и поэтика» (2001) обозначены ключевые позиции этого течения относительно понимания пространства и времени в их сложном единстве. Время у акмеистов «наделяется пространственными признаками», «художественное произведение как звучащее целое разворачивается во времени, но к любому моменту его временного развертывания мы можем возвратиться, <...> временное по своей природе искусство приобретает пространственные черты» [17, с. 85]. Настоящее в акмеизме совмещает в себе разновременные пространства, «сегодняшние вещи» помнят о своих «прошлых трансформациях», о своих «эонических архетипах» [17, с. 86].

Акмеистический механизм соединения временных пластов в одном пространстве хорошо виден в первом сборнике Ант. Ладинского «Черное и голубое», так как его смысловой доминантой стала

оценка прошлого из настоящего, а также попытка предвидеть будущее. У поэта сквозь настоящее «просвечивают» прошлые эпохи, вступая с первым в сложный полифонический диалог. Объединяющим началом сборника служит тема движения, перемещения в пространстве, что было, в случае поэта, продиктовано ситуацией эмиграции. Динамика в стихах «Черного и голубого» обозначена прежде всего как внешнее движение в его физическом смысле, о чем говорят заглавия стихотворений: «Бегство», «Переселение», «Отплытие»; в ряде текстов движение содержится имплицитно: «Адмирал» («водитель» судов), «Охота» (бег за зверем), «Караван» (перемещение по пустыне), «Крестоносцы» (походы во имя Христа); некоторые стихи передают динамику «умозрительную» – путешествия по иным мирам или временам, возвращения в «чертоги памяти» («Гаданье», «Ангелы», «Детство» и пр.).

В сборнике «Черное и голубое» традиционное цветовое противопоставление черной земли и голубого неба восходит к базовой оппозиции земного и небесного, роднящей символизм и акмеизм и восходящей к романтизму. Оба течения модернизма признавали неизбежность их напряженных отношений и необходимость человека определить свое место между этими полярными пространствами. И если символизм признавал примат небесного над земным и видел в земных вещах лишь неверное отражение небесных сущностей, то акмеизм, осознавая принципиальную непознаваемость неба, устремил свои взоры к земле в поисках органической опоры. Оппозиция земного и небесного заявлена сразу же в первом стихотворении сборника: «Нам скучно на земле, как в колыбели, / Мечтая о небесных поездах, / На полустанке этом мы сидели, / Как пассажиры на узлах» [22, с. 25]. Традиционный романтический словник («скучно», «мечтая») и устремленность к небесным сферам ориентируют на символистскую тональность, тем более во второй строфе она поддержана строкой «Летим и мы в эфир с протяжным криком», но далее оказывается, что движение вверх мнимое: «висим меж небом и землей», «не знаешь, где же верх, а где же низ». Внезапно картинка «переворачивается»: «Не черные ли небеса над нами, / Не голубая ли земля?». Центральный образ поезда, едущего в никуда и потерявшего ориентацию, сродни гумилевскому «Заблудившемуся трамваю», который попал «в бездну времен». По мнению Ю. В. Матвеевой, наряду с кораблями, поезда (рассматриваем трамвай как их аналог) в эмигрантской литературе стали эмблемой беженских странствий, «расширившись до символа историко-культурного», ибо «конденсировали исторический и экзистенциальный опыт» писателей-эмигрантов [33, с. 58–60]. У Ладинского

образ корабля, поэтически восходящего к Гумилеву, имеет и собственную биографическую подоплеку: он приплыл в Египет морем из Крыма в 1919 г.; так начался его путь эмигранта. Отчетливой отсылкой к гумилевским «Капитанам» служит стихотворение «Адмирал». Акмеистическая идея открытия мира, новых земель, облеченная у Гумилева в ситуацию дальних странствий, отзывается у Ладинского той же сюжетной схемой (капитан/адмирал ведет своих матросов по буйным водам океана и несет ответственность за их судьбу), но имеет иной подтекст.

О многочисленных прототекстах гумилевских «Капитанов» (В. Гюго, Э. По, А. Рембо, Р. Киплинг, К. Бальмонт и пр.) имеется обстоятельная статья Е. Ю. Куликовой: все они связаны с романтической природой морских образов, имеющих оборотную моральную сторону [34, с. 17–34]. У Гумилева в первом стихотворении микроцикла капитаны сопоставимы с новым Адамом, открывающим для себя мир и осваивающим его, они мужественно принимают его суровость, покоряют пространство и тем самым противостоят мировому хаосу. Во втором стихотворении они являют волю к жизни в самых сложных перипетиях судьбы, ставя себя в ряд с великими мореплавателями прошлого – Гонзальво, Куком, Лаперузом, де-Гама, Колумбом, Синдбадом-мореходом и Улиссом. В третьем они показаны как авторитеты у своих матросов, которым они разрешили покутить в порту, но они же немедленно прекращают веселье, когда требуется выходить в море. В четвертом стихотворении микроцикла возникает образ Летучего Голландца, носящегося по мировому океану, ему вторит образ вечного странника Каина – так обозначен у поэта мир смерти. Капитан и его матросы превращаются в команду корабля мертвецов («Сам капитан, скользя над бездною, / За шляпу держится рукою», «Как смерть, бледны его товарищи», похожие на «трупы на пожарище» [35, с. 98], они «уплывают в «иные области», становясь «для высшей силы, высшей доблести» «навек недостижимы» [35, с. 98]. Таким образом, в четырех стихотворениях микроцикла образ капитанов «расслаивается» на различные ипостаси, в полной мере реализуя акмеистический принцип семантизации вещи, могущей быть по-разному названной, чем выявляются различные ее грани как феномена.

Ладинский, сохраняя общий сюжетный рисунок, вводит новую коннотацию: его морское предприятие имеет иную причину и связано с опытом бегства из родной страны. Биографический факт играет у него значительно большую роль, чем у Гумилева, хотя тот был настоящим путешественником. В 1920 г. Ладинский попал в тяжелейшую ситуацию, будучи серьезно раненым и эвакуируясь с

госпиталем по морю из Крыма в составе белогвардейских частей. В отличие от Гумилева, воплощавшего в путешествиях по экзотическим странам свою геософскую идею, поэт случайно попал в трагический водоворот истории, и его морское «приключение» в составе знаменитой Русской эскадры было настоящим исходом, бегством в неизвестное будущее. Трагизм жизненных обстоятельств вторгается в поэтическую ткань сниженными реалистическими образами, передающими страдания моряков, названных «неразумными и нерадивыми» («И ты помнишь – цингу в океанах, / Бунты на борту и свинец, / И гулкие, как барабаны, / Пустые бочонки. Конец» [22, с. 28], а его адмирал сопоставим с белогвардейскими морскими офицерами, возглавившими этот великий исход. В образе покорителей морских просторов появляется новый обертоны – беженец, вынужденно покидающий родину, спасающий свою жизнь, отвечающий за своих матросов и многочисленных гражданских лиц, увозимых от родных берегов в стрессовом состоянии. Образ адмирала двойится, Ладинский называет его поэтом с «высоким званием», чей удел «голубая страна», «бессонная ночь», «одинокость и тишина». В акмеистическом контексте упомянутая «пустота» («пустые бочонки») и «тишина» являются у поэта как реалистическими знаками голода/жажды и полной неизвестности (что переживали уплывавшие), так и маркерами нового неведомого пока ему пространства, которое ему нужно будет как-то осмыслить, заполнить своим словом о мире.

Семантика пустоты в акмеизме отсылает к первичному состоянию мира, еще не освоенному поэтом, именно ему надлежит облечь его в слова и наделить смыслом, т. е. воссоздать мир, подобно демиургу. Акмеистический путь при строительстве своего нового мира состоит в осознании того факта, что у поэта всегда есть предшественники, создавшие об этом мире свои слова, поэтому он должен быть чуток к «чужому слову», ему необходимо «одомашнить» его (по Мандельштаму), придать новый смысл, но не потерять старого; таким образом в пространстве акмеистического текста образуется полифоническая перекличка авторских точек зрения, давая простор для полемики. Слово, сказанное акмеистом, сразу попадает в многоголосый поэтический хор «уже сказанных слов» и существует только в нем, рождая таким образом новые смыслы «вещи», демонстрируя текучесть и подвижность мира. «Разговор» Ладинского с Гумилевым сродни разговору Мандельштама с Данте: великий итальянец, давно ушедший в мир иной, остается для поэта живым собеседником, а его слова – пищей для собственных размышлений о созидательной силе Искусства.

У Ладинского образ корабля двоятся: он и спасительное судно, и транспорт смерти, воплощенный корабль мертвецов; мортальная символика прослеживается в деталях – «грешные души», «не перевешать в пути», «конец». Принципиальное отличие лирического героя Ладинского от капитанов Гумилева в том, что он одинок в своем странствии, несмотря на наличие команды, тогда как у второго речь идет о капитанах, когорте смелых покорителей морских просторов. Эмиграция Ладинского не путешествие, а бегство, когда каждый остается одиноким перед лицом судьбы, а ожидание конечной точки пути сопоставимо с предощущением смерти. Коррелятом образа Летучего Голландца Гумилева выступает в тексте корабль из одноименного стихотворения, где «поэт сравнил / И бытие земное / с ладьей не раз / в бессмертье голубое / Влачившей нас» [22, с. 35]. Символика ладьи в мировой культуре традиционно связана со смертью (лодка Харона, скандинавские похоронные обряды и пр.), таким образом, Ладинский травестирует важнейший постулат акмеизма – открытие новых земель, их исследование и радость от их познания как знак жизни; адамическое движение к земле, ее освоение оборачивается у поэта противоположной направленностью к смерти. Акмеизм предполагает наличие потустороннего мира, непостижимого по своей сути («Но в мире есть иные области, / Луной мучительной томимы. / Для высшей силы, высшей доблести / Они навек недостижимы» [35, с. 98], именно этот мир трансцендентного, неведомого и опасного для человека описан в четвертой части микроцикла, это пространство Летучего Голландца: «Но всех страшней и всех таинственней / Для смелых пенителей моря – / О том, что где-то есть окраина – / Туда, за тропик Козерога! / Где капитана с ликом Каина / Легла ужасная дорога» [35, с. 98]). Но осознание неподвластности и непостижимости «того мира» не отменяет интереса к земному пространству, наоборот, фокус интереса в связи с этим как раз и переводится с небес на землю, т. е. важным оказывается свобода человеческого выбора – идти по пути нового Адама или смириться с неодолимой силой «трансцендентного», как призывали символисты. В случае Ладинского лирическому герою путь в иное измерение назначен судьбой, он его не выбирал. Вероятно, ему очень хотелось бы осознавать себя тем самым гумилевским капитаном, который по собственной воле бороздит морские дали, но им владеет сила трансцендентного, увлекающая его в пространство смерти («конец» – так емко говорит лирический герой Ладинского в цитируемом стихотворении).

Следует оговориться, что «Капитаны» написаны на заре акмеизма, позже поэтическая практика каждого из акмеистов «большой тройки» приведет

к собственному варианту отношений с «небесами»; в случае Гумилева появится уже процитированный «Заблудившийся трамвай», зафиксировавший переосмысление им собственных постулатов, когда не замечать могучей власти «темного мира» стало уже невозможно; случилось это неожиданно для самого поэта («Как я вскочил на его подножку, / Было загадкой для меня» [35, с. 218], его герой понимает, что «наша свобода – только оттуда бьющий свет» [35, с. 218], адамическая радость принадлежности ко всему живому миру обернулась пониманием мощной центростремительной силы вовлечения всего живого в воронку смерти, и «тот мир» властно заявил о себе полной явственностью своего существования: «Люди и тени стоят у входа / В зоологический сад планет» (этой метафорой поэт обозначает астрологические созвездия – маркеры «иноного мира») [35, с. 219]. События мировой истории начала XX в., ощущение настоящего времени как катастрофы, «конец прекрасной эпохи», изменение представлений о роли и назначении Искусства – все это заставило поэта скорректировать свои взгляды на «адамические основы» акмеизма.

Обращает на себя внимание «сигнал» ввода прототекста у Ладинского – «поэт сравнил», это можно считать авторской акцентуацией акмеистической полемики, вполне осознаваемой и являющейся своего рода организующим фактором художественного пространства стихотворения. Для акмеизма сравнение всего со всем, уподобление, метафора есть основа поэтического мировидения, обеспечивающая жизнь Слову. Этот прием неоднократно встречается у поэта и может рассматриваться как внутренний «двигатель» собственного поэтического текста, своеобразная точка «отплытия» по «морям чужих слов».

Всякое морское путешествие оканчивается возвращением к родному берегу. По словам Е. Ю. Куликовой, для акмеизма «лейтмотив плавания невозможен без семантического компонента возвращения/невозвращения на родину, эта семантическая линия выявляет сильнейшие возвратные импульсы акмеистического стиха» [32]. Герой Гумилева из вояжа в «потустороннее» вернулся, словно совершив кругосветное путешествие: в четвертой строфе набирающий обороты трамвай несет его в небесные сферы по немислимой для этого вида транспорта траектории («... Уж мы обогнули стену, / Мы проскочили сквозь рощу пальм, / Через Неву, через Нил и Сену / Мы прогремели по трем мостам» [35, с. 218]), а в последних строфах он возвращается домой («И сразу ветер знакомый и сладкий, / И за мостом летит на меня, / Всадника длань в железной перчатке / И два копыта его коня», «Верной твердынею православья / Врезан Исакий

в вышине» [35, с. 219]). Но возвращение произошло уже в другой Петербург, тревожный и также наполненный дыханием смерти, да и сам герой, вернувшись из путешествия «во Ад», несет на себе печать «инога мира» (он хочет отслужить в главном соборе столицы панихиду по себе и утверждает в последней строфе: «И все же навеки сердце угрюмо / И трудно дышать, и больно жить» [35, с. 219]). Эти стихи коррелируют с его микроциклом «Возвращение Одиссея», в котором образ царя Итаки подан в неожиданном ключе: он показан не доверяющим своей жене и нежным сыном, обещающим отцу Лаэрту, готовому к последнему пути, вспомнить перед собственной смертью его единственного. Сам Одиссей обуреваем жадной странствий, он хочет снова идти в море, его зовет туда Паллада, и он увлекает за собой сына Телемаха («Юноша светлый, мой сын Телемах! / Надо служить беспощадному богу, / Богу Тревоги на черных путях» [35, с. 94]). Как известно, ахейский герой двенадцать раз избежал смерти и являет собой мифологический солярный символ, победу жизни над небытием. В стихотворении показан мир смерти, который принес с собой Одиссей с войны, он не хочет разрывать обета, данного Палладе, словно сражения привязали его к себе магическим образом, и он снова рвется в бой, как моряк в бушующий океан: «... Но кто, подобный коршуну, / Над моей душою носится, / Слово манит к року горшему, / С новой кручи в бездну броситься?»; «Нет, союза не нарушу я с необорною богинею» [35, с. 92]. Глаза отца «безоблачнее неба» (т. е. голубые) контрастируют с черной обителью Эреба, но на самом деле отец на пороге смерти и скоро будет поглощен черным пространством. Так мир смерти проникает в земное существование [22, с. 58] через его носителя – человека, побывавшего в ее чертогах. Как известно, акмеисты с особым вниманием относились к семантике имен собственных. Имя отца семантически может быть связано с Лаэртом В. Шекспира, персонажем совсем иного плана, нежели у Гомера и Гумилева, но по принципам акмеистической поэтики «чужие слова» способны внести свои «семь» в общий строй стихотворения, делая образы объемными и многосмысленными. Так, в характере гумилевского Одиссея отзывается мстительность шекспировского Лаэрта, а его стремление уехать прочь из родных мест («И снова ринусь грудью в ночь / Увидеть бездну грозовую» [22, с. 95]) сопоставимо с желанием Гамлета оставить этот мир (его предсмертные слова, обращенные к уже умершему Лаэрту: «Будь чист пред небом! За тобой иду я. – Я гибну, друг» [36, с. 270]). Вернувшийся Одиссей у Гумилева показан как вновь стремящийся на поле боя, т. е. в пространство смерти, тогда как герой Ладинского обречен на

невозвращение изначально, он Одиссей, так и не доплывший до своей Итаки, для него небеса остаются черными. У Гумилева Одиссей смог выйти живым из черного царства Аида, но сохранил тягу к этому темному миру, тогда как у Ладинского выход принципиально невозможен.

Стихотворение «Капитаны», по разысканиям Е. Ю. Куликовой, соотносится с поэмой К. Бальмонта «Мертвые корабли», исследователем доказательно приведены текстовые переключки, отражающие сходство мотивов: чудесные страны и острова, которые видят мореплаватели, призрачность кораблей и обманчивость счастья путешественников [34, с. 31–33]. Примечательно, что бальмонтовские строки из поэмы «На Полнос! На Полнос! / Бежим, поспешим, / И новые тайны откроем! Там, верно, есть остров – / Красив, недвижим, / Окован / пленительным зноем» [37 с. 56] переключаются со стихотворением Ладинского с названием «На Полнос». Оксюморонный образ северного острова, «окованного» зноем (эпитет обычно употребляется со словами «холодной тематики» – льдом), отзывается подобным же представлением зимнего пространства у Ладинского: «Леденцом океан замерзает, / Раскаленную стужей дыша», «цветут эскимосские розы / на окошках полярных домов, / И цикады стрекочут в морозы / В лунных рощах арктических льдов» [22, с. 58]. В этом стихотворении два плана изображения: с одной стороны, есть вполне конкретное описание путешествия моряков по холодному океану, которые на зимовке во льдах вспоминают оставленных любимых женщин и могут узнавать о жизни на материке только по радио, с другой – иносказательное изображение чужой страны, куда попали подневольные эмигранты, воспринимаемое сознанием русского человека, чье пространство маркировано знаками зимы и холода, привычными для нашей родины, причем эти два плана совмещены и существуют нераздельно в сознании героя: «В царстве ворвани, шкур и винтовок / Я вздыхаю о Вас перед сном» – «А над крышей антенна поет, / Как шумит Ваше черное платье, / Как в Европе играют фокстрот» [22, с. 58]. Европа мыслится удаленным пространством, ощущаемым как совершенно иной мир, другая система координат, составляющим контраст северной холодной родине, диковатой и суровой, но с которой герой уже мысленно попрощался, отправляясь в эмиграцию как в царство смерти. «Черное платье» героини несет в себе семантику как женской элегантности и привлекательности, так и потустороннего мира. Фокстрот, танец, появившийся в начале XX в. в Америке, стал популярен в Европе после Первой мировой войны и имеет в своей основе механику продвижения вкрадчивыми «лисьими» шагами, что следует из его названия (акмеистическая

динамика пространства!); он танцует в паре, поэтому в контексте стихотворения возлюбленная героя где-то далеко от него кружит в танце с кем-то другим, а ему остается лишь вглядываться в снежную мглу. «Зимний код», традиционно для эмигрантской литературы обозначающий Россию [38], является у Ладинского метафорой смерти вдали от родной земли, выраженной также двупланово: и метафорически, через образ души, и вполне по-акмеистически конкретно, как корабль, затертый льдами («И под призрачным небом витает / Ваша – как ледяная – душа» – «Погибаем стальным ледоколом» [22, с. 58]). Но акмеистический образ мертвого корабля имеет и символистский источник – бальмонтские «мертвые корабли», которые «между льдов затерты, спят в тиши морей» [35, с. 56], являя собой символ потустороннего мира.

Тема морских странствий, сопряженная с темой смерти, отражена и в стихотворении «Корабль», сопоставимом с одноименным у Гумилева. Гумилевский текст, по-акмеистически густо насыщенный культурными аллюзиями (Пушкин, Гейне, Вагнер, Блок и пр.), являет собой описание погибшего корабля, павшего жертвой прекрасной девы, заманившей моряков в свои любовные сети («И никто никогда не узнает / О безумной предсмертной борьбе / И о том, где теперь отдыхает / Тот корабль, / Что стремился к тебе» [35, с. 50]). Корабль назван «голубой гробницей» в «затуманенном взоре» [35, с. 50] девы-губительницы, он словно отразился в ее небесных глазах перед своей гибелью. У Ладинского стихотворение начинается с констатации вечного закона поэзии – сравнения, служащего, как мы уже упоминали, отправной точкой для собственных размышлений: «О пышный гул сравнений / И шум ветрил: / Среди кораблекрушений / Поэт сравнил / И бытие земное / С ладьей не раз / В бессмертье голубое / Влачившей нас» [22, с. 35]. Ладинский подхватывает гумилевскую тему гибели корабля, но вводит новую – рефлексию по поводу поэтического труда, ассоциативно связанного с работой моряка на судне. Традиционное для акмеизма уподобление писательства ремеслу обретает у поэта новый смысл: это труд, равнозначный борьбе моряка за жизнь на погибающем корабле, понимаемый двояко. С одной стороны, это борьба с поэтическим «потокком» слов, нахлынувших внезапно и заставших врасплох: «Стихами небо хлещет / На зыбкий стол, / Как палуба, трепещет / И ходит пол» [22, с. 36], и в этом смысле метафора сопоставима с пушкинским истечением строк из-под пера или с ахматовскими словами из «Тайн ремесла», что «струируются по белой бумаге», при этом обращение «Ты» явно относится к музе, которая, придя и «окатив» поэта потоком строк, не осознает его возможной гибели от подобного наплыва («Ты не узнаешь

даже, / Что в двух шагах / Мы гибли в этой саже – / В ночных валах» [22, с. 36], «сажу» в данном случае можно считать аналогом чернил (один из древних способов производства чернил – из сажи от сожженных костей и растений). С другой стороны, это судьба поэта-эмигранта, попавшего в историческое кораблекрушение, и «сажа» в таком случае имеет вполне конкретное значение копоти от паровозных топок. Ассоциативно присоединяется державинская «Река времен», что «топит в пропасти забвенья» все земные дела людей, и поэзия имеет тот же удел, ибо «вечности жерлом пожрется» (державинский вариант паровой топки). «Пропасть», «паровозная топка», «жерло» – эти знаки пустого пространства, соотносимого со смертью, в поэтике акмеизма означают мир до появления Слова, который поэту надлежит им заполнить, ибо только названная вещь обретает свою жизнь в реальности.

В рассматриваемом стихотворении корабль как «утлый дом» «взлетает желтой щепкой» [22, с. 36], что может быть понято как метафора русской избы, унесенной и разбитой гибельной водой – через гумилевский «Заблудившийся трамвай» отсылка к наводнению в «Медном всаднике», только у Ладинского Параша с Евгением меняются местами, и несчастного самого унесло в «потоке быстротечном», что проецируется на судьбу эмиграции [22, с. 36].

Метафора путешествия на корабле в бурю, отразившая балансирование между жизнью и смертью как основу эмигрантского сознания, поддерживается и в стихотворении «Крестonosцы», созданном в гумилевской средневековой стилистике. Главной оппозицией, сообразно названию сборника, становится «черное» и «голубое», но стихии земли и неба снова смешиваются у поэта, проникая друг в друга: «От воздушной земли за туманом / Воздушный мачтовый лес / Летит, летит по океанам / На голубые холмы небес» [22, с. 34]. Герои, «пролетая морские мили / На вздыбленных кораблях», достигают «Небесного Иерусалима», названного «розовостенным» [22, с. 35]. О семантике розового цвета у Ладинского подробно написано у А. А. Чевтаева, с его точки зрения, «посредством розового цвета порождается идеологема обретения рая через гибель. <...> ... «розовый» также становится знаком мортального вхождения в инобытие, ценностно возвышаемое над миром «посюсторонним» [26, с. 212–213]. Умирая ради небес «на охапке железных пик», т. е. принимая мученическую смерть, герои-крестonosцы думают не о возможности попасть в этот Небесный Иерусалим, а о желании остаться на земле («О земле наш последний крик» [22, с. 35]). Проецируя ситуацию на эмигрантское сознание, можно сказать, что в силу поте-

ри родины она от этого становится еще притягательнее: «Только земля, земное, / Черная, дорогая мать, / Научила любить земное / И за небесное умирать» [22, с. 35].

У Ладинского власть неба не менее сильна, чем власть земли, и такое своеобразное «распятие» лирического героя меж двух равно притягивающих пространств рождает трагическое напряжение, выражающееся в амбивалентности небесно-земной (голубой и черной) тематики: «Земля, то черная, то голубая, / Скользит и уплывает из-под ног» (стихотворение «Нам некогда подумать о здоровье...» [22, с. 39]. В стихотворении «Каменщики» эмигрантская судьба показана через переосмысление акмеистической идеи строительства, опять-таки сопряженной с темой морского плавания. В тексте отчетливо видна аллюзия на мандельштамовский «Камень», выражающаяся в акмеистической идее строительства героями дома, любовно возводимого для себя, с фиксацией предметных деталей («Мы по кирпичикам вели постройку, / Умом раскидывая так и так, / Выгадывая каждую пристройку, / Окошко, лесенку или чердак» [22, с. 36]). Но жить в этом доме не пришлось: «непрочное создание» рушится, герои отправляются в путь («берем билет, носильщиков торопим, / И запылит почтовый дилижанс» [22, с. 37], далее их ждет морское путешествие («А в синей бухте ждет кораблик хрупкий» [22, с. 37]) с «румяным капитаном», который «мечтательно глядит на облака» [22, с. 37]. Но это не увеселительный круиз, а движение в небытие, вся семантика образов говорит о смерти: герои плывут не в Европу, как можно было бы подумать исходя из логики бегства с родины, а от нее, в «потустороннее пространство» («Нам больше делать нечего в Европе» [22, с. 37], что коррелирует с далекой Европой, слышимой по радио в стихотворении «На Полюс», от которой герои отделились в северные льды). Путешественники, покинув свои «хозяйства бедные», восхищены открывшимся видом «небесного града» (вариация Небесного Иерусалима – «Как держится над синевой морей / Такая масса воздуха, покоя, / Воздушных балок, дымных кирпичей?» [22, с. 37]); все пространство полно динамизма («вся эта легкость, простота, паренье» [22, с. 37]), героев потрясает этот «Божественный строительный расчет» [22, с. 37], но им ничего не остается делать, как «принять предложение» поселиться в этом новом граде, ибо судьба делает выбор за них: «Теперь, когда по всем дорогам рыщем, / Нам кажется убогим и кривым / Людское темноватое жилище / В сравненье с домом солнечным Твоим» [22, с. 37].

Амбивалентность символики земли и неба, жизни и смерти имеет у Ладинского вариацию в виде смешения «своего и чужого». В стихотворе-

нии «Аргонавты» мифологическая история перенесена в мир суровой русской зимы и сопоставляется с путешествиями поморов. Плавание по европейским морям окрашивается у поэта славянским северным колоритом: «Мечтали мы о море и о Риме / В сугробах непролазных деревень» [22, с. 39]. Семантика путешествия в небытие выражается в самой ситуации отплытия: остающиеся на земле не верят в успех этого предприятия и «крестятся со страху», а моряки «в слезах» сообщают, что «отлетают в эмпирей». Как и в стихотворении «Каменщики», плавание в «то сторону» синонимично полету в облака. Героев сопровождают положенные испытания – сражения с неприятелем («И побледнев, мы встали к самопалам: / Ну, начинается, теперь держись!» [22, с. 40]), но они имеют и второй план, отсылающий к упомянутому ранее исходу Русской эскадры из Крыма, что следует из конкретных военно-морских деталей: «Как ахнем из двенадцатидюймовых – / Все дыбом! На ногах стоять невмочь!» [22, с. 40]. Капитан поморского судна иронически высказывается о своей команде: «Эх вы, «овчина», мужичье! Руно! / Не корабли вам строить, а колоды, / Сивуху вам тянуть, а не вино!» [22, с. 40]. Травестийное обыгрывание добычи руна русскими аргонавтами имеет смертельный подтекст: руно описано как «на дубах сусальная овчина», которую стерегут «огненные драконы» [22, с. 40]. Символика дуба имеет давнюю историю в европейской культурной традиции. По изысканию Дж. Фрэзера, «культ дуба существовал, по-видимому, у всех европейских народов арийского происхождения», а в Греции был «самым древним и знаменитым», связанным с Зевсом [39, с. 156]. У славян дохристианской Руси был обычай хоронить умерших в гробах из цельного долбленого дубового бревна (отсюда выражение «дать дуба» – умереть), такой гроб именовался «колодой» и напоминал лодку-долбенку (делалась по одной технологии) [40]. Семантическая насыщенность образа дуба, соединяя в себе растительную символику и смертельную от лодки-ладьи Харона, позволяет объединиться разновременным культурным пластам, усиливая мотив смерти.

Путешествие в небытие многократно повторяется у Ладинского в различных вариациях. В «Отплытии», аллюзивно связанном с «Отплытием на остров Цитеру» Г. Иванова, ситуация расставания с землей равносильна отрыву души от тела: «И мы, качнувшись утлым краем, / Как на руках несомый гроб, / Отчаливаем, отплываем, / Высокий холодеет лоб» [22, с. 47], при этом корабль изображен уже как «задымившийся», а земля названа «бренной» и «голубой» (амбивалентность цветовой оппозиции). Обратим внимание на эпитет «утлый», имеющий ту же смертельную семантику в упомянутом ранее

стихотворении «Корабль». Ладинский снова проводит параллель между движением в потустороннее пространство и эмигрантской лирой, принужденной разлучиться с родной землей – «и с твердью разлученный стих» [22, с. 47].

Плавание/путешествие у Ладинского имеет «сухопутные» аналоги, в которых пространство смерти определяет конечную точку путешествия. В «Бегстве» это отъезд героев из Флоренции, стремительное движение в пространстве («летели мимо деревень») и привал в доме трактирщика, который принес им «вина и хлеба» (отсылка к Тайной вечере) [22, с. 34] (см. подробный интертекстуальный анализ стихотворения у А. А. Чевтаева [26]; в «Караване» символом смерти становится жажда, которую испытывают путники в пустыне, но утолить ее может только «глухая черная вода», когда героев отнесет в «пучины», «в сырую вечность, навсегда» [22, с. 49] (см. анализ стихотворения в контексте африканской темы у Ладинского у А. А. Арустамовой и М. Ю. Расторгуевой [30]; в стихотворении «Переселение» герои «грезят об ином жилище», т. е. о «воздухе небесных гор», ибо переехав в новое место, они «за окошками снаружи» видят лишь «насквозь промерзшую землю», «снегов косматых паденье» и «летейский сон» [22, с. 43].

Заключение

Тема морского путешествия имеет у Антонина Ладинского акмеистическое происхождение в силу своей ориентации на подобную тему у Н. Гумилева. Следуя принципам акмеизма, Ладинский сознательно ориентируется на «чужое слово», чтобы сказать миру «свое», т. е. поделиться эмигрантским опытом осмысления действительности. Семантическая поэтика позволяет выстроить собственный поэтический текст как «палимпсест», когда видны «следы» прежних «письмен», т. е. слов, сказанных другими поэтами, и вступить с ними в диалог. Полифоническая структура акмеистического текста

нашла свое выражение у Ладинского в моментах рефлексии по поводу собственного творчества, акцентировании «разговора с чужим сознанием». Поэт избрал опыт не столько раннего акмеизма, отличающегося оптимистическим пафосом, сколько зрелого; в рассматриваемом нами случае это картина мира позднего Н. Гумилева, осознавшего могучую власть «небесного пространства». Ладинский в акмеистическом поле полемизирует с мэтром, демонстрируя собственный эмигрантский опыт поэтического осмысления жизни, и его путешествие являет собой не только плавание по чужим культурным морям, но и онтологический путь изгнанника, не могущего возвратиться домой в исходную точку, навсегда лишённого «домашней гавани». Движение в пространстве оказывается однонаправленным и метафорически представляет собой «отплытие в трансцендентное» (по Г. Иванову), реальность которого как мира смерти уже не подвергается сомнению. Трагическое мировосприятие, явственное ощущение «инога мира» и предопределенный судьбой путь к нему роднит Ладинского с символистами. Осознавая мощную «власть тьмы», поэт все же пытается балансировать между двумя мирами, хватаясь за спасительное Искусство. Он не согласен с символистами в том, что оно является отражением трансцендентной сущности, так как чувствует его земную тяжесть и весомость; для него все гумилевские корабли, бороздящие поэтические просторы, столь же реальны, как и те, на которых эмигранты приплыли на чужбину, но он не может воспользоваться акмеистическим опытом Жизни в Искусстве, так как реальность сильнее всех поэтических представлений о ней и губительна для человека своей беспощадностью и жестокостью. Осваивая опыт двух модернистских течений, Ладинский конструирует свою картину мира, в котором изгнание наделяется онтологическим статусом и по своему трагизму приравнивается к смертному пути.

Список литературы

1. Набоков В. Ант. Ладинский. Черное и голубое // Руль. 1931. 28 янв. № 3092. С. 2.
2. Мочульский К. Ант. Ладинский. Черное и голубое // Числа. 1931. №5. С. 235–237.
3. Адамович Г. В. Собрание сочинений. Литературные заметки: в 5 кн. Кн. 2 («Последние новости» 1932–1933) // Подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2007. 512 с.
4. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж: УМСА-Press; М.: Русский путь, 1996. 448 с.
5. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека. Париж; Нью-Йорк: Альбатрос – Третья волна, 1987. 352 с.
6. Иваск Ю. Поэзия «старой эмиграции» // Русская литература в эмиграции. Питтсбург, 1972. С. 45–71.
7. Чагин А. И. Петербург – Париж, или Акмеизм в русском зарубежье // Чагин А. И. Пути и лица. О русской литературе XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 600 с. С. 294–322.
8. Марков В. Мысли о русском футуризме // Новый журнал. 1954. №37.
9. Богомолов Н. А. Вокруг «серебряного века»: Статьи и материалы. М.: НЛЮ, 2010.
10. Фетисова Е. Э. Неоакмеизм как система программных и латентных течений XX века. М.: ИНИОН РАН, 2016. 339 с.

11. Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск: Изд-во «Водолей», 2000. 704 с.
12. Левин Ю. И., Сегал Д. М., Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Цивьян Т. В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // *Russian Literature*. 1974. №7/8. С. 47–82.
13. Тименчик Р. Заметки об акмеизме // *Russian Literature*. 1974. №7/8. С. 23–46.
14. Тименчик Р. Заметки об акмеизме II // *Russian Literature*. 1977. Vol. V. № 3. С. 281–300.
15. Тименчик Р. Заметки об акмеизме III // *Russian Literature*. 1981. Vol. IX. № 2. С. 175–189.
16. Сегал Д. Русская семантическая поэтика двадцать лет спустя // *Russian Studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Том II. №1.
17. Кихней Л. Г. Акмеизм: миропонимание и поэтика. М.: МАКС Пресс, 2001. 184 с.
18. Tjalsma W. «Acmeism». Adamovic, the «Parisian note» and Anatolij Steiger // *Russian language journal*. Русский язык. Toward a definition of acmeism. К определению акмеизма. Michigan, 1975.
19. Papla E. Akmeism. Geneza I program. Wroclaw, 1980. 146 p.
20. Harris J. Acmeism // *Handbook of Russian Literature*. Yale University Press, 1985. 558 p.
21. Doherty J. The Acmeism Movement in Russian Poetry. Culture and the Word. Oxford, 1995. 316 p.
22. Ладинский А. Собрание стихотворений / сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. М.: Викмо-М: Русский путь, 2008. 368 с.
23. Горобец А. Метаморфоза текста или метаморфоза сознания в творчестве Антонина Ладинского // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. №34. С. 243–253.
24. Горобец А. Провинциальные усадьбы в эго-документальных, публицистических и художественных текстах Антонина Ладинского // Новые российские гуманитарные исследования. 2020. №15. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2090/> (дата обращения 15.08.2021).
25. Лавринец П. Эмигрантский текст в переписке «возвращенцев» (А. П. Дехтерев, А. П. Ладинский, Н. Я. Роцин) // *Toronto Slavic Quarterly*. 2010. №34. С. 230–242.
26. Чевтаев А. А. Лирический нарратив и художественная символика в стихотворении А. Ладинского «Бегство» // Пушкинские чтения–2020. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXV Международной научной конференции Санкт-Петербург, 5–6 июня 2020 года. Отв. редактор Т. В. Мальцева. 2020. С. 203–217.
27. Чевтаев А. А. Символика души в книге стихов А. Ладинского «Черное и голубое» (к вопросу о специфике художественного мира) // *Известия Смоленского гос. ун-та*. 2021. № 2(54) С. 31–51.
28. Коростелев О. А. Лирический театр Антонина Ладинского // Ладинский А. Собрание стихотворений / Сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. М.: Викмо-М: Русский путь, 2008. С. 5–22.
29. Грановская Л. М. Стихи Антонина Ладинского // *Русская речь*. 1996. №3. С. 29–31.
30. Арустамова А. А., Расторгуева М. Ю. Африка на поэтической карте А. Ладинского // *Вестник Пермского гос. ун-та*. 2015. №3(31). С. 68–76.
31. Матвеева Ю. В. Крымская «нота» русского зарубежья: на материале творчества писателей младшего поколения русской эмиграции // *Известия Уральского федерального ун-та. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2014. №3 (130). С. 134–143.
32. Куликова Е. Ю. Динамические аспекты пространства в лирике акмеистов: лейтмотивная поэтика: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Новосибирск, 2012. 44 с. URL: <https://gumilev.ru/about/262/> (дата обращения 15.08.2021).
33. Матвеева Ю. В. Самосознание поколения в творчестве писателей-младоэмигрантов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2008. 196 с.
34. Куликова Е. Ю. «Дальние небеса» Николая Гумилева: Поэзия. Проза. Переводы. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2015. 272 с.
35. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: «Изд-во АЛЬФА-КНИГА», 2011. 1148 с.
36. Шекспир В. Комедии, хроники, трагедии: в 2 т. Т. 2. М.: РИПОЛ, 1997. 752 с.
37. Бальмонт К. Д. Избранное: Стихотворения; Переводы; Статьи. М.: Худож. лит., 1990. 742 с.
38. Осипова Н. О. «Зимний код» русской эмиграции как семиотическая система // Осипова Н. Слово и культура в диалогах Серебряного века: избранные работы. М.: Изд. группа «Стагирит», 2008. 280 с. С. 172–186.
39. Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследования магии и религии. М.: Политиздат, 1983, 703 с.
40. Криничная Н. А. «Пень да колода»: слово, образ, символ. URL: <https://info-grad.com/koloda-kak-smert-sudba-i-doroga-v-slavyanskoj-traditsii/> (дата обращения 15.08.2021).

Хадынская Александра Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, Сургутский государственный университет (ул. Ленина, 1, Сургут, Тюменская область, 628412).
E-mail: opus2000@mail.ru

Материал поступил в редакцию 20.08.2021

DOI 10.23951/1609-624X-2021-6-121-134

ANTONIN LADINSKY: SEA JOURNEY IN A SITUATION OF EMIGRATION (ON THE MATERIAL OF THE COLLECTION “BLACK AND BLUE”)

A. A. Khadynskaya

Surgut State University, Surgut, Russian Federation

Introduction. The article examines the topic of sea travel by Antonin Ladinsky using the example of the collection “Black and Blue”, the first in the poet’s work, in which the main lines of his poetry were formed, further developed in subsequent collections.

Aim and objectives: to trace the semantics of sea navigation, taking into account the acmeistic influences on the poet by N. Gumilyov, for whom this topic was one of the main in his work and reflected the basic principles of the acmeistic worldview of the poet.

Material and methods. The research methodology assumes a literary interpretation of lyric texts with an understanding of the theoretical foundations of the poetics of acmeism (“alien word”, polyphonic text, dynamic space, etc.). The method of intertextual analysis was also used when comparing texts belonging to different literary eras.

Results and discussion. Ladinsky’s work was already the subject of scientific research, the poet’s orientation towards symbolism and acmeism was also noted, the difficulty of attributing his lyrics to any of these modernist movements was indicated. But sea voyage as the central theme of the first collection “Black and Blue” in the context of acmeistic poetics has not yet attracted the attention of researchers. We examined the influence of the Gumilev theme of sea voyages on the lyrics of Ant. Ladinsky in terms of the poet’s polemic with the master of acmeism, the originality of the topic under consideration is revealed in connection with his emigre experience.

Conclusion. In the lyrics of Antonin Ladinsky, the sea voyage becomes a reflection of his path as an emigrant, and in this sense he argues with N. Gumilev, whose theme of sailing on the seas has a culturological meaning and reflects the acmeistic principle of cognizing Life through Art. The semantics of sea travel, in the context of acmeistic poetics, allows Ladinsky to say his word to the world, adding his voice to the mighty cultural choir of the singers of the sea. The acmeistic position turns out to be close to him by its earthly nature, and the symbolist one – by the awareness of the powerful force of otherness. Through dialogue with the “alien word”, the poet declares his own experience of mastering the world, which is different from both the Acmeists and the Symbolists. The tragic view of the world, conditioned by the situation of emigration, sounds in the first collection not yet in full force, the acmeistic “acceptance of reality” still has its “inertia”, but the awareness of what happened as a catastrophe and the path to the world of death has already occurred.

Keywords: Antonin Ladinsky, poetry of the Russian emigration of the first wave, the theme of sea travel, acmeistic poetics, symbolism, emigrant motives.

References

1. Nabokov V. Ant. Ladinskiy. Chernoye i goluboye [Ant. Ladinsky. Black and blue]. *Rul'*, 1931, 28 January, no. 3092. Pp. 2 (in Russian).
2. Mochul'skiy K. Ant. Ladinskiy. Chernoye i goluboye [Ant. Ladinsky. Black and blue]. *Chisla*. 1931, no 5, pp. 235–237 (in Russian).
3. Adamovich G. V. *Sobraniye sochineniy. Literaturnye zametki: v 5 knigakh. Kniga 2 (“Posledniye novosti” 1932–1933)*. Podgotovka teksta, sostavitel' i primechaniya O. A. Korosteleva [Collected Works. Literary notes: in 5 books. Book 2. (“Latest News” 1932–1933). Preparation of the text, compiler and note by O. A. Korostelev]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ., 2007. 512 p. (in Russian).
4. Struve G. *Russkaya literatura v izgnanii* [Russian literature in exile] Paris, YMCA-Press; Moscow, Russkiy put' Publ., 1996. 448 p. (in Russian).
5. Terapiano Yu. *Literaturnaya zhizn' russkogo Parizha za polveka* [The literary life of Russian Paris for half a century]. Paris; New York, Al'batros – Tret'ya volna Publ., 1987. 352 p. (in Russian).
6. Ivask Yu. Poeziya “staroy emigratsii” [Poetry of the “second emigration”]. *Russkaya literatura v emigratsii* [Russian literature in emigration]. Pittsburg, 1972. Pp. 45–71 (in Russian).
7. Chagin A. I. Peterburg – Parizh, ili Akmeizm v russkom zarubezh'e [Petersburg – Paris or Acmeism in Russian abroad]. In: Chagin A. I. *Puti i litsa. O russkoy literature XX veka* [Paths and faces. About Russian literature of the twentieth century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2008. 600 p. Pp. 294–322 (in Russian).
8. Markov V. Mysli o russkom futurizme [Thoughts of Russian Futurism]. *Novyy zhurnal*, 1954, no. 37 (in Russian).
9. Bogomolov N. A. *Vokrug “serebryanogo veka”*: Stat'i i materialy [Around the “Silver Age”: Articles and Materials]. Moscow, NLO Publ., 2010 (In Russian).
10. Fetisova E. E. *Neoakmeizm kak sistema programmykh i latentnykh techeniy XX veka* [Neoacmeism as a system of programmatic and latent currents of the twentieth century]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2016. 339 p. (in Russian).

11. Lekmanov O. A. *Kniga ob akmeizme i drugie raboty* [A book about acmeism and other works]. Tomsk, Vodoley Publ., 2000. 704 p. (in Russian).
12. Levin Yu. I., Segal D. M., Timenchik R. D., Toporov V. N., Tsiv'yan T. V. Russkaya semanticheskaya poetika kak potentsial'naya kul'turnaya paradigma [Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm]. *Russian Literature*, 1974. no. 7/8, pp. 47–82 (in Russian).
13. Timenchik R. Zametki ob akmeizme [Notes about acmeism]. *Russian Literature*, 1974, no. 7/8. pp. 23–46 (in Russian).
14. Timenchik R. Zametki ob akmeizme II [Notes about acmeism II]. *Russian Literature*, 1977, vol. V, no 3, pp. 281–300 (in Russian).
15. Timenchik R. Zametki ob akmeizme III [Notes about acmeism III]. *Russian Literature*, 1981, vol. IX, no 2, pp. 175–189 (in Russian).
16. Segal D. Russkaya semanticheskaya poetika dvadtsat' let spustya [Russian semantic poetics twenty years later]. *Russian Studies. Ezhekvartal'nik russkoy filologii i kul'tury*, 1996, vol. II, no. 1 (in Russian).
17. Kikhney L. G. *Akmeizm: miroponimaniye i poetika* [Acmeism: worldview and poetics]. Moscow, MAKS Press Publ., 2001. 184 p. (in Russian).
18. Tjalsma W. “Acmeism”. Adamovic, the “Parisian note” and Anatolij Steiger. *Russian language journal. Russkij jazyk. Toward a definition of acmeism. K opredeleniyu akmeizma*. Michigan, 1975.
19. Papla E. *Akmeizm. Geneza i program*. Wroclaw, 1980. 146 p. (in Polish).
20. Harris J. Acmeism. *Handbook of Russian Literature*. Yale University Press, 1985. 558 p.
21. Doherty J. *The Acmeism Movement in Russian Poetry. Culture and the Word*. Oxford, 1995. 316 p.
22. Ladinskiy A. Sobraniye stikhotvoreniy [Collection of poems]. Compiler, preface and note by O. A. Korostelev. Moscow, Vikmo-M, Russkiy put' Publ., 2008. 368 p. (in Russian).
23. Gorobets A. Metamorfoza teksta ili metamorfoza soznaniya v tvorchestve Antonina Ladinskogo [Metamorphosis of text or metamorphosis of consciousness in the works of Antonin Ladinsky]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2010, no. 34, pp. 243–253 (in Russian).
24. Gorobets A. Provintsial'nye usad'by v ego-dokumental'nykh, publitsisticheskikh i khudozhestvennykh tekstakh Antonina Ladinskogo [Provincial estates in ego-documentary, journalistic and artistic texts by Antonin Ladinsky]. *Novye rossiyskiye gumanitarnye issledovaniya*, 2020, no. 15 (in Russian). URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2090/> (accessed 15 August 2021).
25. Lavrinets P. Emigrantskiy tekst v perepiske “vozvrashchentsev” (A. P. Dekhterev, A. P. Ladinskiy, N. Ya. Roshhin) [The emigre text in the correspondence of the “returnees” (A. P. Dekhterev, A. P. Ladinsky, N. Ya. Roshchin)]. *Toronto Slavic Quarterly*, 2010, no. 34, pp. 230–242 (in Russian).
26. Chevtayev A. A. Liricheskiy narrativ i khudozhestvennaya simbolika v stikhotvorenii A. Ladinskogo “Begstvo” [Lyric narrative and artistic symbolism in the poem by A. Ladinsky “Escape”]. *Pushkinskiye chteniya – 2020. Khudozhestvennyye strategii klassicheskoy i novoy slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Sankt-Peterburg, 05–06 iyunya 2020 goda*. Otv. redaktor T. V. Mal'tseva [Pushkin Readings – 2020. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text: materials of the XXV International Scientific Conference St. Petersburg, June 5–6, 2020. Executive editor T. V. Maltseva]. 2020. Pp. 203–217 (in Russian).
27. Chevtayev A. A. Simbolika dushi v knige stikhov A. Ladinskogo “Chernoye i goluboye” (k voprosu o spetsifike khudozhestvennogo mira) [The symbolism of the soul in the book of poems by A. Ladinsky “Black and Blue” (to the question of the specifics of the artistic world)]. *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya SmolGU*, 2021, no. 2(54), pp. 31–51 (in Russian).
28. Korostelev O. A. Liricheskiy teatr Antonina Ladinskogo [Lyric Theater of Antonin Ladinsky]. In: Ladinskiy A. *Sobraniye stikhotvoreniy*. Sostavitel', predislaviye i primechaniye O. A. Korosteleva [Collected Poems. Compiled, preface and note by O. A. Korostelev]. Moscow, Vikmo-M, Russkiy put' Publ., 2008. 368 p. Pp. 5–22 (in Russian).
29. Granovskaya L. M. *Stikhi Antonina Ladinskogo* [Lyrics by Antonin Ladinsky]. *Russkaya rech'*, 1996, no. 3, pp. 29–31 (in Russian).
30. Arustamova A. A., Rastorgueva M. Yu. Afrika na poeticheskoy karte A. Ladinskogo [Africa on the poetic map of A. Ladinsky]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Perm State University*, 2015, no. 3(31), pp. 68–76 (in Russian).
31. Matveyeva Yu. V. Krymskaya “nota” russkogo zarubezh'ya: na materiale tvorchestva pisateley mladshego pokoleniya russkoy emigratsii [Crimean “note” of the Russian emigration: based on the creative work of writers of the younger generation of the Russian emigration]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki – News of the Ural Federal University. Series 2. Humanities*. 2014, no. 3 (130), pp. 134–143 (in Russian).
32. Kulikova E. Yu. *Dinamicheskiye aspekty prostranstva v lirike akmeistov: leymotivnaya poetika*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Dynamic Aspects of space in the Lyrics of Acmeists: Leitmotiv Poetics. Abstract. of thesis doct. philol. sci.] Novosibirsk, 2012. 44 p. (in Russian). URL: <https://gumilev.ru/about/262/> (accessed 15 August 2021).
33. Matveyeva Yu. V. Samosoznaniye pokoleniya v tvorchestve pisateley-mladoemigrantov [The Self-Consciousness of a Generation in the Creativity of Young Migrant Writers]. Ekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2008. 196 p. (in Russian).
34. Kulikova E. Yu. “Dal'niye nebesa” Nikolaya Gumileva: Poeziya. Proza. Perevody [“Distant Heaven” by Nikolay Gumilyov: Poetry. Prose. Translations]. Novosibirsk, Svin'in i synov'ya Publ., 2015. 272 p. (in Russian).

35. Gumilev N. S. *Polnoye sobraniye sochineniy v odnom tome* [Complete works in one volume]. Moscow, AL'FA-KNIGA Publ., 2011. 1148 p. (in Russian).
36. Shekspir V. *Komedii, khroniki, tragedii: v 2 tomakh. Tom 2* [Comedy, chronicles, tragedy: in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, RIPOL Publ., 1997. 752 p. (in Russian).
37. Bal'mont K. D. *Izbrannoye: Stikhotvoreniya; Perevody; Stat'i* [Favorites: Poems; Translations; Articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 742 p. (in Russian).
38. Osipova N. O. "Zimniy kod" russkoy emigratsii kak semioticheskaya sistema [The "winter code" of the Russian emigration as a semiotic system]. In: Osipova N. *Slovo i kul'tura v dialogakh Serebryanogo veka: izbrannye raboty* [Word and Culture in the Dialogues of the Silver Age: Selected Works]. Moscow, Izd. gruppa "Stagirit" Publ., 2008. 280 p. Pp. 172–186 (in Russian).
39. Fryezer D. D. *Zolotaya vetv': Issledovaniya magii i religii* [The Golden Bough: studies of magic and religion]. Moscow, Politizdat Publ., 1983. 703 p. (in Russian).
40. Krinichnaya N. A. "Pen' da koloda": slovo, obraz, simvol ["Stump and deck": word, image, symbol] (in Russian). URL: <https://info-grad.com/koloda-kak-smert-sudba-i-doroga-v-slavyanskoy-traditsii/> (accessed 15 August 2021).

Khadynskaya A. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Surgut State University (ul. Lenina, 1, Surgut, Russian Federation, 628412).
E-mail: opus2000@mail.ru